

— Муж, что с тобой? — с явно притворным недоумением спросил Цин Янь, глядя на него.

Цю Хэнянь не ответил. Он лишь пристально смотрел на него, не отрывая взгляда.

Спустя некоторое время он медленно отвел глаза, наклонился, поднял упавшую на пол книгу, аккуратно положил ее на круглый стол у кровати и тщательно разгладил складки на обложке.

Цин Янь продолжал сидеть на коленях на кровати, не торопя его и молча ожидая.

И действительно, спустя мгновение мужчина вновь взглянул на него. Однако в этот раз в его взгляде не осталось прежнего холодного спокойствия — вместо этого он был полон угрозы, словно глубокая и темная бездна, которая таила в себе скрытую опасность.

Мужчина сел на кровать напротив Цин Яня. Его губы едва заметно дрогнули, и голос, низкий, грубый и хрипловатый, звучал совсем иначе, чем обычно.

— Ты жить больше не хочешь, да? — тихо произнес он.

Цин Янь смотрел на него, и этот человек, полный опасности, его не пугал, а завораживал. Он сглотнул и с вызовом ответил:

— Ты боишься рисковать, а я — нет.

После этих слов между ними повисла долгая, напряженная тишина. Они молча смотрели друг другу в глаза, словно измеряя невидимое расстояние между собой.

Наконец, Цин Янь пошевелился. Он поднялся с колен и медленно подполз, пока не оказался прямо перед мужчиной. Когда Цю Хэнянь поднял голову, чтобы взглянуть на него, лицо Цин Яня слегка порозовело. Он решительно перекинул ногу через его колени и уселся прямо к нему на бедра, чувствуя, как мышцы под ним мгновенно напряглись.

Он положил ладони на широкие плечи мужчины, его пухлые румяные губы слегка приоткрылись, и он почти шепотом спросил:

— Муж, Цин Янь хороший?

Горло мужчины сжалось, кадык дернулся. Его голос прозвучал еще более хрипло:

— Хороший.

Белоснежные, как фарфор, щеки Цин Яня покраснели еще сильнее. Он невольно прикусил

нижнюю губу, как бы смягчая собственную уязвимость, и наклонился ближе, чтобы прошептать у самого уха мужчины:

— Тогда ты не причинишь боль Цин Яню, хорошо?

Как только последнее слово сорвалось с его губ, мир перед глазами Цин Яня перевернулся. Его резко опрокинули на постель, горячая ладонь мягко поддержала затылок, а спина утонула в мягких, толстых матрасах. Было не больно, но тут же на него навалилась тяжесть — теплая, осязаемая, словно укрывающая одеялом. Мужчина наклонился к нему и прикусил губы Цин Яня, небрежно, но одновременно нежно, проводя по ним зубами, словно смакуя.

— Мм... — тихий стон вырвался из глубины горла Цин Яня. Он почувствовал легкую боль, но, подчиняясь без всякого сопротивления, позволил мужчине продолжать. Когда же тот углубил свой поцелуй, Цин Янь без колебаний открыл губы, принимая его.

Это был его первый настоящий поцелуй. В брачную ночь его не было. В прошлый раз, на горе, их губы лишь слегка коснулись друг друга. Вот что значит поцелуй, — растерянно и в то же время опьяненно подумал Цин Янь.

По груди внезапно прошел холодок — тонкое белье было резко разорвано. Одна из его белых, словно корень лотоса рук, обхватила плечи мужчины. Он почувствовал, как горячая ладонь скользнула по его талии вниз, затем назад, пока не добралась до самого мягкого места и сжала его с силой. На этот раз Цин Янь действительно ощутил боль, но вместо того, чтобы отстраниться, протянул другую руку, чтобы обнять мужчину.

Но в тот самый момент, когда он хотел заключить его в объятия, тяжесть исчезла, а руки нащупали лишь пустоту.

Цин Янь растерянно замер, но быстро пришел в себя, пытаясь ухватиться за мужчину. Однако было уже поздно — тот поднялся с постели, шагнул к двери и быстрым шагом направился прочь.

— Хэнянь! — позвал Цин Янь, сев на постели. Мужчина замер на мгновение, но так и не обернулся. Через секунду он распахнул дверь и вышел из комнаты.

Цин Янь сидел на кровати, остолбенев, не отводя взгляда от закрытой наглухо двери. Сердце гулко билось, он все еще не мог прийти в себя.

Спустя какое-то время он резко откинулся назад, лежа на кровати, провел пальцами по щекам и губам. Грудь вздымалась и опадала, а во рту еще сохранялось послевкусие слабой, но щекочущей ломоты, отдающейся в корне языка.

Лишь когда дыхание выровнялось, Цин Янь поправил нижнее белье, обулся и вышел за дверь

внутренней комнаты.

Пройдя через наружную комнату, он подошел к двери другой комнаты. Не успел он постучать, как заметил у входа на полу бумагу, кисть и даже чернильный камень.

Цин Янь с удивлением присел на корточки и внимательно посмотрел на бумагу. На ней крупными иероглифами было написано два слова: «Цин Синь» (Чистые помыслы). Чернила на них еще не успели высохнуть, явно это было написано совсем недавно.

И что еще более примечательно — рядом с иероглифами «Цин Синь» аккуратным почерком волчьей кистью были прописаны их структура и правила написания.

Цин Янь долго смотрел на эту надпись. Его обуревало легкое раздражение, но оно быстро улетучилось, уступив место легкой улыбке. Он не смог сдержать смешка.

...

На следующее утро, еще до приготовления завтрака, Цин Янь уже успел сварить большую миску клейстера. Сегодня был двадцать девятый день двенадцатого месяца — по традиции до рассвета нужно было успеть наклеить праздничные парные надписи.

Цю Хэнянь стоял на табурете и приклеивал парные надписи, а Цин Янь снизу подсказывал, как их выровнять.

В соседнем дворе муж Чэнь Юя, наконец, вернулся домой, и сейчас они с супругом тоже наклеивали надписи у своей двери.

Чжан Вэньшэн, внешне ничем не примечательный, выделялся своей ученостью и мягким характером, производя впечатление человека, с которым приятно находиться рядом. Увидев Цин Яня и Цю Хэняня, он сразу поприветствовал их и попросил Чэнь Юя принести конфеты, которые он привез из уезда. Чэнь Юй с нарочитой медлительностью начал тянуть время, не торопясь выполнить просьбу мужа, но Цин Янь вовсе не собирался принимать угощение. Он с улыбкой отказался:

— Не утруждайтесь, у нас дома тоже есть конфеты. Вы проделали такой долгий путь, пусть лучше ваши сладости останутся для вашей семьи.

Чжан Вэньшэн ничего не мог поделать с Чэнь Юем, но и по-настоящему не сердился. Он лишь

слегка укоризненно взглянул на своего супруга.

Цин Янь, закончив разговор с соседом, машинально повернул голову и посмотрел на Цю Хэнянь. Их взгляды встретились. Цю Хэнянь смотрел на его губы.

Цин Янь знал, что именно он разглядывает. Утром, когда он причесывался, заметил, что уголок его губ был слегка поврежден — небольшая ранка от укуса, оставшаяся со вчерашнего вечера. К тому времени на ней уже успела образоваться корочка.

Когда Цин Янь повернулся к нему, Цю Хэнянь тут же отвел взгляд и, склонившись, начал убирать скамейку, на которой только что стоял. Цин Янь ничего не сказал, просто подошел, взял ведро с клеем, и вместе они отправились в дом тети Ли, чтобы помочь ей наклеить новогодние парные надписи.

Тетя Ли уже приготовила завтрак и ждала их. После того как все было сделано, молодая пара вошла в дом и села за стол, чтобы позавтракать вместе с хозяйкой.

Еще вчера Цин Янь уговаривал тетю Ли отметить Новый год у них дома, но та категорически отказалась. Она объяснила, что этот праздник — первый Новый год после их свадьбы, и она не хочет мешать молодым. В итоге договорились, что, раз уж Цин Янь сам варил клейстер, то тете Ли не придется готовить его для надписей. Вместо этого она утром раскатает тесто для лапши и принесет немного им, чтобы молодые супруги не тратили время на приготовление еды.

Позавтракав, Цин Янь помог убрать посуду, а Цю Хэнянь подмел двор за него. Когда все дела были закончены, они вместе вернулись домой.

Высокая фигура Цю Хэняня шагала впереди, он первым вошел в дверь внешней комнаты. Следом за ним шел Цин Янь. Солнце только что взошло, его лучи были особенно ослепительными. Цин Янь прищурился, закрывая дверь, и, повернувшись, вдруг оказался в теплом и широком объятии. Он машинально поднял голову, чтобы посмотреть, и в тот же миг почувствовал тепло на своих губах. Влажный язык нежно касался его мягких, слегка припухших губ, будто успокаивая их. Цин Янь приоткрыл рот, принимая это прикосновение и впуская его внутрь...

В этот момент солнечный свет померк — облако заслонило солнце. Через некоторое время облако уплыло прочь, и свет вновь стал ярким и теплым.

Цин Янь, слегка задыхаясь, смотрел, как Цю Хэнянь отступил на несколько шагов, несколько мгновений изучающе смотрел на него, а затем развернулся и ушел в комнату.

Цин Янь закрыл глаза, вспоминая ритм его сердцебиения, что он почувствовал, и взгляд, который был обращен на него. На губах блуждала улыбка, а в голове снова и снова всплывал образ написанных иероглифов «Чистые помыслы». Это сочетание он уже мог писать почти машинально — ведь вчера он сидел за этим до полуночи, пока не уснул.

В канун Нового года Цю Хэнянь достал табличку с именем Кузнеца Вана, поставил ее на алтарь, уложил вокруг подношения – семечки, сладости и свиные ножки. Цин Янь присоединился к нему, возжигая благовония и трижды кланяясь в память об усопшем старике.

В новогодний вечер супруги приготовили целый стол праздничных блюд и нашли в кладовой старый кувшин с вином. Цин Янь подогрел вино, и они чокнулись бокалами.

Цю Хэнянь, сидя напротив, посмотрел на него и сказал:

– Цин Янь, с Новым годом.

Цин Янь улыбнулся в ответ:

– Хэнянь, с Новым годом.

Когда варили пельмени, за окном гремели петарды. Позже они вышли во двор, чтобы запустить несколько фейерверков.

Цин Янь поднял голову, глядя на ночное небо, освещаемое вспышками фейерверков. В его сердце было тепло. Этот Новый год значил для него гораздо больше, чем обычно. Это был не только его первый праздник в этом мире, но и первый раз за много лет, когда он провел его не в одиночестве.

Теперь у него был дом. Теперь у него была семья.

<http://bllate.org/book/13590/1205180>